

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1547 ГОД

Вернувшись в Москву после поездки в Новгород и Псков, Иван IV на следующий же день 13 декабря 1546 года «советовался» с митрополитом Макарием о своей женитьбе. 14 декабря митрополит пригласил к себе всех бояр, даже тех, которые были в опале, и объявил им о предстоящем событии. 17 декабря у великого князя собрались Макарий и бояре. Выступал Иван IV. Подтвердив свое намерение вступить в брак, он стал очень здраво рассуждать о том, что сначала собирался жениться на иностранной принцессе, но по зрелом размышлении пришел к выводу о том, что лучше поискать невесту среди своих подданных, так как с иностранкой у них могут оказаться «норовы розные». Присутствующие, по сообщению летописи, даже прослезились от радости, слыша такие зрелые речи от «государя млада суца». Однако на этом сюрпризы не закончились — великий князь сообщил, что перед свадьбой решил «поискати прежних своих прародителей чинов». «Прежними чинами» оказалось венчание на царство, «как наши прародители цари и великие князи и сродничь наш великий князь Владимир Всеволодич Маномых на царство на великое княжение садились». Это вызвало еще большую радость бояр. Вопрос был решен*.

Историки давно обращали внимание на то, что сам молодой монарх не мог принять столь ответственные решения, тем более сразу же

---

* ПСРЛ. Т. 13. С. 450—451.

Совет Ивана IV с митрополитом Макарием о женитьбе
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

по приезде из дальнего путешествия. Очевидно, что кто-то повлиял на него. Наибольшим влиянием на Ивана в то время пользовались князья Глинские, но едва ли они нуждались в подобном шаге. Скорее всего, инициатива венчания на царство исходила от возглавлявшего Русскую церковь митрополита Макария, у которого были собственные представления о правильном устройстве христианского народа. Эти представления шли еще от Византии. Как писал Константинопольский патриарх Антоний: «Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга»*. Но Византия пала в 1453 году под ударами турок. Православных царей и императоров не осталось. Теперь же вакантное место православного царя должен был занять великий князь всея Руси. Впрочем, Иван IV в своей речи на Византию не ссылался, а апеллировал к своему предку Владимиру Мономаху, который на самом деле никогда не венчался на царство. Однако в XVI веке русские книжники были твердо

* Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. С. 272–276.

Митрополит Макарий и Иван IV в Успенском соборе *Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.*

убеждены, что царские регалии получил именно Мономах от своего деда — императора Византии Константина Мономаха*.

Шли приготовления к торжествам. Надлежало определиться с самым главным — с невестой. По городам России были отправлены доверенные лица, которым надлежало смотреть «у князей и у детей боярских дочерей». Но невеста была найдена в самой Москве: «А которые при великом князе бояре и князи, и боярские дети, и княжата, и князь великий сам у них их дочерей смотрил, пожаловал и нарек себе в великие княгини Романову дочь Юрьевича Захарьича Настасью». Ее отец был окольничим при Василии III, но к тому времени он уже умер. Оберегать невесту до свадьбы должны были ее мать Ульяна, вдова князя Василия Васильевича Шуйского Анастасия и бабка великого князя Анна Глинская**.

Однако подготовка к предстоящим торжествам, все значение которых едва ли понимал Иван IV, не помешала ему буквально за

* Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.

** ПСРЛ. Т. 34. С. 28—29.

Венчание на царство Ивана IV

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

считанные дни до венчания на царство 3 января 1547 года отправить на казнь своих сверстников — князей Дорогобужского (он был пасынком Ивана Петровича Федорова, чуть не казненного летом 1546 года) и Овчинина-Оболенского (он был сыном фаворита Елены Глинской). В чем заключалась вина молодых людей — остается неизвестным, источники лишь указывают на то, что казнь совершилась по повелению Глинских*.

К середине января все было готово для проведения торжественного обряда венчания на царство. Действо проводилось 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля. С утра митрополит с Освященным собором находились в соборе и ожидали доставки царских регалий из дворца. Регалии включали в себя крест (считалось, что он сделан из дерева, на котором был распят Иисус Христос), золотую шапку (шапку Мономаха), скипетр и бармы (царские оплечья). Все это считалось переданным из Византии Владимиру Мономаху. В Успенский

* ПСРЛ. Т. 34. С. 29; Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 291.

соброр регалии доставил духовник Ивана IV протопоп Благовещенского собора Федор в сопровождении Михаила Васильевича Глинского и других лиц. В соборе регалии принял митрополит Макарий, который поместил их на специальном возвышении. Затем в Успенский собор отправился сам великий князь. Перед ним шел духовник, за Иваном шли его братья, бояре и дворяне. В соборе был сделан помост, на котором были устроены два престола: для митрополита и великого князя. Здесь же находились и царские регалии. После молитв Иван и Макарий поднялись на помост. Иван IV был благословлен животворящим крестом, а затем регалии были возложены на великого князя: бармы, шапка Мономаха, вручен скипетр. С этого момента Иван был уже царем. После благословения митрополита и поздравлений со стороны Освященного собора и бояр Макарий обратился к царю с речью, в которой подчеркивал роль Церкви в государстве и говорил об обязанностях царя. Иван должен править «со страхом Божиим в сердце и охранять христианскую веру греческого закона». Основная обязанность царя — почитание Церкви, святых монастырей, представителей духовенства, так как почитание священников переходит на самого Христа. Кроме того, царь обязан обращаться справедливо со всеми, кто находится в его власти. Все православные под его защитой, и царь отвечает перед Богом за их материальное и духовное благополучие. Правитель должен быть доступным к своим подданным, совершать для всех добрые дела, быть милосердным к раскаявшимся грешникам, опасаться дурных советников. Суждения царя должны быть более проницательными, чем у простых смертных. Если же правитель мудро правит в этом мире, то на том свете его ждет великая награда.

После торжественного богослужения молодой царь отправился в Архангельский собор помолиться перед гробами своих предков. По дороге Ивана IV осыпали монетами. Эту почетную миссию выполнял брат Грозного князь Юрий Васильевич и конюший Михаил Глинский.

Проведенная церемония была частично заимствована из венчания Дмитрия-внука в 1498 году и из венчаний константинопольских императоров. В частности, поучение Макария имело много общего с византийскими источниками*.

Вскоре — 3 февраля 1547 года — состоялась и свадьба Ивана IV. По этому случаю была составлена специальная роспись — «разряд»

---

* ПСРЛ. Т. 13. С. 451–453; Миллер Д. Б. Коронация Ивана IV Московского // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995. С. 30–48.

Свадьба Ивана IV с Анастасией Романовной
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

участников свадебной церемонии. По «разряду» можно определить лиц, имевших наибольшее влияние на молодого царя в то время. Почетные роли отводились родственникам Ивана: в большом месте (вместо отца) должен был сидеть родной брат новобрачного князь Юрий Васильевич, вместо матери — княгиня Ефросинья (тетка Грозного, вдова Андрея Ивановича Старицкого), тысяцким назначался двоюродный брат Владимир Андреевич Старицкий. Почетное место было выделено Глинским: они неоднократно упоминаются среди участников церемонии. Особо ответственная роль досталась конюшему Михаилу Васильевичу Глинскому — он должен был «у коня быти и ездити круг подклета», охраняя покой молодых. Не было Шуйских, за исключением вдовы и дочери Василия Васильевича Шуйского, но они были родственницами царя. Роли достались и нескольким дьякам, среди них и Захарову, оклеветавшему прошлым летом бояр в Коломне. Наряду с этим видно, что в окружении молодого монарха появляются новые люди, часть из которых будет играть в будущем весьма значительную роль. Так, представлены Захарьины-Юрьевы (родственники царской невесты Анастасии) и Адашевы — братья Алексей

Ивана IV после венчания на царство осыпают монетами
 Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

и Данила. Особо показательно участие Алексея Адашева в ритуальном мытье в бане с Иваном IV. Ведь здесь были Юрий Васильевич Глинский, казначей Федор Сукин, князь Юрий Шемякин, один из знатнейших русских аристократов, двоюродный племянник царя, князь Иван Мстиславский и Никита Романович Юрьев (дед первого царя из династии Романовых, брат Анастасии). Женитьбой самого царя торжества не закончились. Через несколько дней — 6 февраля — справляли свадьбу Ивана Федоровича Мстиславского, за которого выдали дочь князя Александра Борисовича Горбатого.

Спустя две недели после свадьбы царь с супругой отправились пешком на богомолье в Троице-Сергиев монастырь*.

Венчание на царство и брак не изменили привычек Ивана IV. В Псковской летописи содержится интересный рассказ о нравах молодого правителя. В это время псковичи решили обратиться с жалобой на наместника Турунтая-Пронского, и их делегация из семидесяти

* ПСРЛ. Т. 13. С. 453; Т. 34. С. 29; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 139–143.

человек отправилась в Москву. Царя нашли в подмосковном селе Остров и били ему челом. Обращение вызвало гнев — он несчастных «бесчествовал, обливаючи вином горячим, палил бороды и волосы да свечью зажигал, и повелел их покласти нагих по земли». Можно предположить, что челобитчиков ожидала казнь, но их спас случай — в это время царю доложили, что в Москве упал большой колокол, и Иван IV помчался в город посмотреть на это. Лишь благодаря этому «жалобъщников не истеря». Все это происходило в самом начале июня 1547 года*.

Между тем беспокойно было и в столице. Еще в апреле в городе начались пожары. Вообще пожары были не редкостью в русских, по преимуществу деревянных, городах. Иногда огонь наносил значительные разрушения, но пожары весны—лета 1547 года оставили далеко позади все, что было раньше: «Прежде убо сих времен памятные книги времени пишут: таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися». Первый пожар вспыхнул 12 апреля в Китай-городе. Большая его часть была уничтожена огнем, сгорели лавки, гостиные дворы, дома жителей. Уничтожены были церкви и несколько находившихся в этом районе города монастырей. Детонировали и запасы пороха, хранившиеся в одной из крепостных башен. В результате взрыва башня была разрушена. Спустя девять дней 20 апреля произошел новый большой пожар — на этот раз в Заяузье, которое выгорело почти все. Власти приступили к расследованию, даже не дождавшись окончания бедствия. По городу ползли слухи о том, что пожары вызваны поджогами: «А говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казнию, глав им секли и на колья их сажали и в огонь их в те же пожары метали». Сейчас трудно сказать, были ли пожары в действительности вызваны поджогами или нет. Власти очень торопились с расследованием, ведь казни проходили еще в то время, когда пожары продолжались. Объективность следствия также вызывает большие вопросы — под пытками любой мог оговорить себя. Но апрельские пожары были лишь прелюдией к страшному «великому» пожару 21 июня.

На всех, кто его видел, пожар произвел незабываемое впечатление. Рассказывали, что знаменитый юродивый Василий Блаженный

---

* ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 232.

накануне (20 июня) молился и плакал у Воздвиженского монастыря, с которого и начался новый пожар. По воспоминаниям, железо становилось красным, а расплавленная медь текла по земле. 21 июня огонь появился на Арбате, а затем из-за сильного ветра быстро перекинулся в другие районы города, в том числе и в Кремль. Загорелась крыша Успенского собора, царские палаты, Благовещенский собор, Оружейная палата, сгорела великокняжеская казна, собранная поколениями предков Ивана IV. Уничтожены были бесценные произведения искусства, в том числе и росписи Андрея Рублева. В огне пожара чуть не погиб митрополит Макарий, находившийся в Успенском соборе. Спасаясь, он вынес икону Богородицы.

Два человека из его сопровождающих сгорели на площади перед собором, но сам Макарий сумел выбраться: его по веревкам спустили из Кремля к Москва-реке, но веревки оборвались и митрополит сильно расшибся, «еле жива» его вывезли в подмосковный монастырь.

Выгорели кремлевские монастыри — Чудов (основанный святым митрополитом Алексеем) и Вознесенский (в этой обители хоронили великих княгинь). Сгорело или задохнулось большое количество монашествующих. Взорвались запасы пороха, в некоторых местах разрушились стены. Кремль выгорел почти полностью. В Китай-городе

Верига, по преданию принадлежавшая Василию Блаженному

сгорело все, что уцелело после апрельского пожара, и то, что пытались восстановить. Остались лишь две церкви и десять лавок. Огромные разрушения были и в других районах Москвы. Уничтожены были не только дома, дворы и другие постройки, но и многочисленные городские сады и огороды. Москва практически перестала существовать. Погибло, по разным источникам, от 1700 до 3700 человек, остальные лишились крова и имущества. Очень много людей сгорело и задохнулось по Тверской, Ильинской и Дмитровской улицам, в Китай-городе и в садах. Царь с женой и боярами был вынужден жить в подмосковном селе Воробьево, так как его кремлевские палаты сильно пострадали. Современники расценили это бедствие как Божие наказание: «Сие бысть грех ради наших, в наказание нам от Бога послася, за умножение наших согрешений не пощади Бог толнко множество множество святых церквей и образов святых своих; Божиим гневом сие бысть огненное пламя».

Представление о том, что великий пожар был Божиим наказанием за грехи, было широко распространено. По словам Грозного, «посла Господь на ны тяжкия и великия пожары. Вся наша злая собрания потреби и прародительское благословение огонь пояде, паче же всего святыя Божия церкви и многия великия и неизреченныя святыни, и святыя мощи, и многое безчисленное народа людска. И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой и умилхся, и познах своя согрешения...». Царю вторит Курбский: «тогда Господь... посетил град великий Москву презелным огнем, и так явственне гнев свой навел»*.

Но испытания с окончанием пожара еще не закончились. Обезумевшие от горя жители столицы, потерявшие все свое имущество и дома, стали обвинять в произошедшем пожаре родственников царя князей Глинских. Надо сказать, что Глинские еще и до пожаров заслужили всеобщую ненависть населения Москвы, летопись особо указывает и причины этой ненависти: «А сие глаголаху чернии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху». Поползли слухи о том, что в случившемся несчастье виновата бабка царя Анна Глинская, которая колдовала вместе со своими

---

* ПСРЛ. Т. 13. С. 453–455; Т. 34. С. 29–30; Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. С. 263; Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 224.

детьми Михаилом и Юрием и приближенными: вынимала человеческие сердца «да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела».

Вероятно, все эти слухи были известны и боярам, часть из которых стремилась использовать недовольство посадских для свержения власти Глинских. 23 июня, спустя два дня после пожара, царь и бояре приехали на совещание к пострадавшему митрополиту Макарию. Здесь и была озвучена версия о том, что Москва сгорела из-за колдовства, правда имена «колдунов» не назывались. Первым версию волхования выдвинул один из самых близких к Ивану IV духовных лиц благовещенский протопоп Федор, его поддержали Иван Петрович Федоров и некоторые другие. Было решено провести расследование причин пожаров. 26 июня бояре вышли на площадь перед Успенским собором и обратились к собравшимся черным людям с вопросом о том, кто зажигал Москву. Жители столицы без промедления заявили, что город сгорел из-за Глинских, один из которых, князь Юрий Васильевич, находился тут же, перед собором. Других Глинских (Михаила и Анны) в этот момент в столице не было. Услышав обвинения в свой адрес, Юрий Глинский попытался скрыться в Успенском соборе, но толпа ворвалась в здание и убила его. Труп выволокли из церкви и бросили на площади.

По сути, восстание было во многом спровоцировано боярами, которые столь странным способом решили начать расследование причин пожаров. Возможно, что они сделали это сознательно, ожидая от толпы именно тех действий, которые и произошли. По крайней мере царь спустя много лет был уверен в том, что убийство его дяди Юрия Глинского было подстроено изменниками-боярами. Однако бояре могли лишь использовать недовольство населения Москвы Глинскими в своих интересах.

Убийство Глинского было лишь началом: были перебиты его холопы, разграблено имущество. Пострадали и совершенно посторонние лица — дети боярские из Северской земли, находившиеся в столице. Толпа обрушилась на них, называя людьми Глинских. Город оказался в руках восставших, у правительства не было сил, чтобы подавить беспорядки. Об этом говорит то, что через три дня после начала восстания жители с оружием явились к царю в Воробьево, требуя выдать на расправу конюшого Михаила и Анну Глинских. Грозный был уверен, что изменники-бояре собирались убить и его самого, и с этой целью подстрекали народ, уверяя, что Глинские прячутся в царском дворце.

Убийство князя Юрия Глинского
Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.

С большим трудом толпу удалось успокоить, убедив в том, что никого из Глинских в Воробьеве нет.

Подавить силой восстание правительство так и не смогло. Хотя поздняя летопись и пишет о том, что Иван IV «повеле тех людей имати и казнити», но и она признает, что многие из мятежников разбежались по другим городам. Другие же летописи указывают, что царь «оудивися и оужасеся, и обыскав, яко по повелению приидоша, и не оучини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати», то есть наказаны были только зачинщики беспорядков. Наконец еще один источник утверждает, что опальные были прощены царем по просьбе митрополита. Это известие выглядит самым убедительным — сложившаяся в Москве ситуация не располагала к применению жестких мер.

Даже спустя несколько месяцев, в ноябре 1547 года, положение в Москве было напряженным. Об этом свидетельствует следующий факт: 3 ноября состоялась свадьба родного брата царя Ивана князя Юрия Васильевича, но на торжествах не было ближайших родственников новобрачного — дяди Михаила и бабки Анны. Они после восстания скрывались в монастырях, а затем в селах недалеко от Ржева.

Сразу после свадебных торжеств пришло известие, что Глинские и князь Турунтай-Пронский бежали в Литву. За ними отправили погоню и в ходе преследования загнали в «непроходные тесноты». Поняв, что скрыться не удастся, беглецы решили тайно вернуться в Москву, где и были задержаны. На следствии князь показал, что собирались на богомолье, но заблудились, не зная дороги. В конце же концов выяснилось, что бежали они от «неразумия... обложася страхом княже Юрьева убийства Глинского». По просьбе митрополита Макария Глинские и Турунтай были прощены и выпущены на поруки*.

Так заканчивался 1547 год, начавшийся торжествами по случаю венчания на царство и продолжившийся великими пожарами и восстанием в «царствующем граде». Если подвести его итоги, то можно сказать следующее: от власти отстранены Глинские, которые уже больше никогда не могли претендовать на ту роль, какая у них была до восстания. С их падением закончилось и боярское правление. Конечно, это не означает, что вся власть перешла в руки самого Ивана IV — теоретически она и до этого находилась всецело в его руках. Но теперь было необходимо что-то изменить в стране. Царю стало понятно, что правление различных боярских группировок не угодно Богу, который наказал страну пожарами и восстанием. Но мог ли управлять страной сам семнадцатилетний царь, не имевший опыта реального управления? Не мог. Значит, рядом с ним должны были оказаться новые люди, люди, которые могли помочь в этом нелегком деле. Кто же они были, эти новые люди?

---

* ПСРА. Т. 13. С. 455—457; Т. 4. Ч. 1. С. 620—621; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 78; *Курбский А. М.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 224; Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 292; *Жарков И. А.* К истории Московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962. № 3. С. 226.